

Мария Бекетова

Александр Блок и его мать

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок и его мать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2998025

Аннотация

«Сочувствие, с которым принята была в публике моя книга об Александре Блоке, заставляет меня продолжать писать в том же духе, добавляя свой первый очерк новыми матерьялами. Относительно первой половины жизни поэта я должна буду довольствоваться только личными воспоминаниями и письмами, так как сестры моей Александры Андреевны уже нет в живых. В остальном мне поможет вдова поэта. Предупреждаю читателей, что многие даты в моей биографии оказались неточными, так как я писала ее, не имея в руках всех бумаг и писем, касающихся Александра Александровича, и пользовалась только указаниями его матери, память которой сильно ослабела в последнее время. Теперь все даты тщательно проверены и исправлены. Портреты и группы, собранные в этой книге, должны были появиться в моей биографии, но не вошли туда по не зависящим от издателя обстоятельствам. Я начну с пояснений и воспоминаний, касающихся этих портретов...»

Содержание

Вступительная заметка	5
Александр блок	9
Глава I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29
Комментарии	

Мария Андреевна Бекетова

Александр Блок и его мать

Сочувствие, с которым принята была в публике моя книга об Александре Блоке, заставляет меня продолжать писать в том же духе, добавляя свой первый очерк новыми матерьялами. Относительно первой половины жизни поэта я должна буду довольствоваться только личными воспоминаниями и письмами, так как сестры моей Александры Андреевны уже нет в живых. В остальном мне поможет вдова поэта.

Предупреждаю читателей, что многие даты в моей биографии оказались неточными, так как я писала ее, не имея в руках всех бумаг и писем, касающихся Александра Александровича, и пользовалась только указаниями его матери, память которой сильно ослабела в последнее время. Теперь все даты тщательно проверены и исправлены.

Портреты и группы, собранные в этой книге, должны были появиться в моей биографии, но не вошли туда по независящим от издателя обстоятельствам. Я начну с пояснений и воспоминаний, касающихся этих портретов.

Вступительная заметка

Портрет отца поэта, Александра Львовича Блока, снят в 1878 году в Варшаве, когда он жил там один в разлуке с невестой. Портрет снят в очень благоприятную минуту, но, во-первых, Александр Львович был тогда красивее, а во-вторых, портрет не передает того мрачного демонизма, который был свойствен Ал. Львовичу и так метко очерчен в автобиографическом очерке его сына словами: «В этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как и во всем душевном и физическом облике его». На этом портрете лицо задумчивое, пожалуй, несколько грустное, но никак уж не страшное. В тот год Ал. Львовичу было 26 лет. Интересно сравнить это лицо с лицом его сына в 27 лет (почти тот же возраст) на портрете, снятом в фотографии Здобнова, в блузе с белым воротником. Не буду навязывать своих взглядов. Думаю, что в общем они сойдутся со впечатлением всякого, кто взглянет на оба портрета без предвзятых мыслей.

В пору снятия описанного портрета Ал. Львович, наверно, очень тосковал по невесте. Между прочим, он безумно ее ревновал, зная, что в ректорском доме¹ каждую субботу собирается целая толпа молодежи, многие из которой близко знакомы; он боялся, что она не удержится от кокетства

---

¹ В доме моего отца.

и вообще будет слишком веселиться, проводя время с молодыми людьми, которые легко поддавались ее обаянию. В то время сестра моя Ася была действительно очень кокетлива и обаятельна. Кокетство ее было совершенно невинного свойства, но случалось, что, даже помимо ее желания и вполне бессознательно, она внушала очень глубокие чувства. Это все, очевидно, и мучило ее жениха. Но, как все ревнивцы, он не понимал того, что кокетство его невесты не более как невинная забава и что она по натуре своей совершенно неспособна изменить, раз она связала судьбу свою с кем-нибудь серьезно.

Под влиянием ревности он написал невесте в очень резкой форме, чтобы она не смела присутствовать на субботних сборах. Удивительно, что сестра, обычно довольно-таки своевольная в отношениях со старшими в семье, на этот раз послушалась жениха беспрекословно и в ближайший субботний прием заперлась у себя в комнате и не выходила весь вечер, так что все думали, что она заболела. Что и говорить, Ал. Львовичу было о чем призадуматься: то тот, то другой из завсегдатаев дома Бекетовых² нет-нет, да и посвятит стихи Александре Андреевне; правда, оба молодых человека приходились сродни поэтам – один был Батюшков, другой Майков³ и даже ухаживали они за другими моими сестрами, но

---

² Мать Ал. Блока – урожденная Бекетова.

³ О Ф. Д. *Батюшкове* см. выше, прим. 6 к гл. 14 «Биографии». О каком именно *Майкове* идет речь, мы не знаем. Ниже М. А. Бекетова именует его племянником

все же писали стихи и невесте Ал. Львовича. Студенты, идущие на трудный экзамен, почему-то просили благословить их именно Александру Андреевну, а не кого-либо из ее трех сестер. А там ходит огорченный и мрачный – отвергнутый жених, бывший товарищ по гимназии Ал. Львовича, за которого Ася одно время совсем было собралась выйти замуж, да спохватилась и, поняв, что она его не любит, написала ему отказ на листочках, вырванных из учебной тетрадки. И, пожалуй, еще того больше огорчен и расстроен другой поклонник, который был очень вхож к нам в дом, когда Ал. Львович еще не бывал у Бекетовых. Этот неловкий поклонник усердно дарил Асе шоколад и нещадно дразнил ее, так что она только сердилась и ничего не подозревала об его чувствах.

И вот не успел он оглянуться, как у него из-под носу взял ее Ал. Львович.

Все те, о ком я сейчас пишу, уже давно покойники, и сама она, бывшая в те дни грациозной, очаровательной девушкой, теперь успокоилась в могиле после долгих, тяжелых страданий. Не знаю, насколько портрет ее, снятый невестой в 1878 году (18-ти лет), передает ее тогдашнее обаяние. Он слабее оригинала. Грация позы, женственность и миловидность, кажется, переданы, но остальное не вышло. Да ведь и нельзя передать на фотографии нежность и блеск цветов, прелесть

поэта, Валерианой Николаевичем. Однако так звали брата поэта А. Н. *Майкова*, известного критика, умершего еще в 1847 г. Ни один из известных нам Майковых под эти определения не подходит.

улыбки и движений, а ведь красота сестры была именно в этом. Такие лица, как у нее, плохо выходят на фотографии. На портрете 78-го года она одета в легкое шерстяное платье кофейного цвета. В 18 лет была она еще далеко не созревшая женщина, а девушка-ребенок, которому слишком рано выпал на долю брак с таким интересным, трудным, сложным и неудержимо жестоким человеком, каким был Александр Львович Блок.

Александр блок

Глава I Раннее детство Ал. Блока

Передо мной портрет матери поэта с маленьким Сашей на руках. Ему было в то время 2½ года, ей около 23-х. Этот кабинетный портрет был снят в фотографии Болингера на Б. Морской в апреле 1883 года. На Саше сшитое матерью синее с зеленым шерстяное платице. В пору снятия портрета он ходил дома в длинных белых передниках с проймами для рукавов и застежкой сзади. Саша был в то время очень здоровенький, большой и тяжелый ребенок, так что матери трудно было удержать его на руках. На портрете у него какое-то угрюмое выражение; можно подумать, что он был неповоротливый и невеселый ребенок, и миловидность его пропадает. На самом деле он был тогда очень живой, шаловливый мальчик. Удивительная нежность его цветов и кожи, веселые светлые глазки и милая болтовня делали его очень привлекательным. Говор у Саши был очень мягкий и нежный, в нем совершенно отсутствовали те неприятные *и* и *ж*, которые часто свойственны маленьким детям и придают такую грубость ихговору.

Жил Саша в то время в верхнем этаже ректорского дома. Детская его помещалась в той самой комнате, выходившей окнами на университетский двор (в части дома, более отдаленной от улицы), где он родился⁴. Здесь он спал и кушал, но играл далеко не всегда. Пока няня убирала его комнату, он проводил время то у прабабушки А. Н. Карелиной⁵, комната которой была за стеной его детской, то у тети Кати, нашей старшей сестры, которая особенно его любила. Тетя Катя поздно вставала, и потому, когда Саша был еще на руках, его приносили к ней в постель, где она долго с ним нянчилась и всячески его забавляла. Когда Саша научился ходить, обычай будить тетю Катю и играть с ней по утрам остался в силе. Помню, что, сидя у нее на коленях, он очень любил рассматривать картинки, изображавшие хорошеньких девочек, нарисованных на золотом фоне. Это были не то эльфы, не то цветы. У каждой был на голове какой-нибудь цветок, и он же украшал ее короткое платьице и жезл, который она держала в руках. Эти милые картинки Саша рассматривал без конца и называл их почему-то «буилия». Около полудня часто отправлялся Саша в бабушкину спальню, выходившую окнами на Неву. Здесь он совсем еще маленьким прыгал на столе и на кресле и, стоя на подоконнике, поддерживаемый

---

⁴ Ректорский дом теперь совершенно перестроен внутри, в нем помещаются аудитории и канцелярии.

⁵ Наша бабушка по матери, которая жила у нас в первые годы Сашиной жизни и присутствовала при его рождении.

кем-нибудь из домашних, дожидался, когда ударит пушка. А весной смотрел на Неву, следя за яликами, барками и пароходами. Войдешь, бывало, в эту комнату в солнечный день и увидишь яркую полосу синей Невы, сверкающую из-под белой маркизы, а на окне – веселый, розовый мальчик и при нем кто-нибудь из взрослых. Все жители ректорского дома принимали Сашу с распростертыми объятиями. В дедушкином кабинете, тоже выходившем окнами на Неву, он подолгу сидел на ковре и рассматривал картинки в больших томах Бюффона и Брэма.

Много бегал Саша по комнатам обширного ректорского дома, особенно наверху, в длинной, светлой зале и не раз опускался и поднимался по теплой внутренней лестнице, устланной ковром, которая соединяла два этажа. Вставал он рано, как все дети, и успевал утром и погулять, и поиграть. В хорошую погоду он гулял, еще среди дня, после 2-х часов. Его водили чаще всего по солнечной Университетской набережной, а весной и осенью в университетский ботанический сад, о существовании которого не имеют понятия многие жители Петербурга^[1]. Когда родился Саша, сад был еще в хорошем виде и целы были те великолепные осокори Петровских времен, которые погибли при постройке химического дворца.

Забавы Саши были разнообразны. В возрасте около года он любил играть двумя большими серебряными ложками. Помню какой-то зимний вечер, когда его невозможно было

уложить спать. Он сидел на руках у няни Сони⁶ перед большим столом с оживленным видом и превесело забавлялся своими ложками, как будто и не нужно было ложиться спать.

Позднее ему надарили резиновых игрушек. У него была резиновая корова, коза, паяц и мальчик. Коза с дырочкой на животе при нажиме издавала пищащий звук. Раз как-то Саша придумал следующую игру: он взобрался на диван, где лежала коза, сел на нее и, когда послышался писк, объявил нараспев: «Коза огольцена!» И проделал эту штуку много раз кряду. Тогда же были в ходу деревянные чурочки, мячик и деревянная посудка. Очень любил он животных. Так и вижу, как он идет по комнате в розовом батистовом платъице, которое к нему особенно шло, и бережно несет в переднике двух котят, с которыми долго потом забавлялся.

Уже в те ранние годы Саша был большой забавник и выдумщик, но и капризник, так что сладить с ним было трудно. Так иногда во время прогулки он внезапно садился на тротуар и долго не соглашался идти дальше. Такой случай был на Университетской набережной. Мимо проходил старый академик Брандт, который остановился и, приняв расхажившегося Сашу за девочку, сказал наставительным тоном на ломаном русском языке: «Ай, ай, ай, какая нехорошая барышня! Разве так можно?»⁷.

---

⁶ Няня Соня была любимая Сашина няня, которая ходила за ним до семи лет с перерывом в 1½ года.

⁷ Здесь, очевидно, какая-то путаница, т. к. академик Федор Федорович *Брандт*,

Да, Саша был далеко не «пай-мальчик». Порывы веселости, смеха, причуд сменялись у него капризами и вспышками гнева. Но все же он чаще был весел и мил, чем сердит и не в духе. Веселая, молодая и умная мать, не менее веселая и очень занятная бабушка да и другие члены семьи умели быстро развлечь его, и он опять становился мил, приветлив и весел. Особенно с матерью: он ласкал ее, целовал ей руки, называл с нежностью «ма-ма-мамиселька». Он вообще любил придумывать какие-то особые уменьшительные для любимых людей и вещей. Свой маленький столик, на котором он расставлял игрушки, он называл «стол-столисецка».

В раннем детстве, так лет до трех, все звали Сашу Бибой. Это название, конечно, придумала его мать. По общему приговору родных и друзей Биба был очаровательное дитя. Ольга Михайловна Соловьева, наша двоюродная сестра, художница, увидав его в первый раз, сказала, что он «для картины», а наша близкая знакомая Анна Николаевна Энгельгардт (известная переводчица, жена Ал. Ник. Энгельгардта) восклицала при виде маленького Саши: «Маркиз в пудрамантеле!»⁸. Бибу обожали и баловали на все лады. Любил его и старый швейцар ректорского дома Карасев, радостно встречавший его, когда он шел гулять или возвращался с прогулки, — розовый, оживленный и очень голодный. Аппетит у

знаменитый зоолог, скончался еще в 1879 г., т. е. до рождения Блока.

⁸ Об *Анне Николаевне Энгельгардт* (урожд. Макаровой, 1836–1903) и ее муже *Александре Николаевиче* (1823–1893) см. подробнее ниже.

Бибы был прекрасный, его не нужно было уговаривать кушать котлетки, пить молоко и т. д.

Из друзей и знакомых, посещавших нас в то время, особенно много занимались с Сашей моя гимназическая подруга Ольга Алексеевна Желябужская, в замужестве Мазурова, и студент Конрад Викторович Недзвецкий, который женился впоследствии на племяннице моего отца⁹. С его-то детьми Саша и играл гимназистом, как упомянуто в моей биографии. Остается сказать еще несколько слов о пребывании Саши в Шахматове в первые годы его детства. Там его радостям и забавам не было конца. Одним из главных источников этих радостей, кроме гулянья, цветов, грибов, деревенской еды, земляники и пр., были животные, в особенности собаки. Об его пристрастии к животным – всем без различия – я напишу особую заметку, пока же ограничусь этим кратким указанием.

В Шахматове Саша жил до трех лет в особом флигеле¹⁰, где у него была кровать с высокими решетками и тюлевым пологом от комаров. Он спал в одной комнате с матерью, рядом помещалась няня. В том же флигеле жила в отдельной комнате и прабабушка его А. Н. Карелина. Сидя на высоком стульчике перед некрашеным столом, в длинной салфетке,

---

⁹ Об *О. А. Мазуровой* и *К. В. Недзвецком* см. подробнее ниже. Семья К. В. Недзвецкого поддерживала отношения с Блоком только в ранние годы его жизни.

¹⁰ Это был тот самый флигель, где впоследствии Саша поселился с молодой женой.

завязанной сзади, Саша пил молоко и кушал, что ему полагалось, пока его не начали водить в большой дом, где он стал кушать со всеми вместе. Это, кажется, произошло, когда ему было года три. Кушал он аккуратно и не особенно шалил за едой, но больших трудов стоило уложить его спать даже летом. Помню, как мы с сестрой в душный летний вечер сидим во флигеле и прислушиваемся к тому, как няня Авдотья в соседней комнате никак не может его укачать. Это была довольно полная и рослая женщина, которая выбивалась из сил, то напевая ему песни, то бормоча какой-то вздор про собаку Орелку и Забияку, прибирая все, что приходило ей в голову. Вот, кажется, Саша затих, сейчас можно будет положить его в кроватку и няня пойдет пить чай и болтать на кухню. Не тут-то было: внезапно раздается из другой комнаты: «муу, муу». Это значит, что Саша и не думает спать. Несколько раз повторяется та же история, пока наконец он не заснет по-настоящему. Тогда измученная няня, крадучись, боясь, как бы опять не проснулся ребенок, проберется в спальню и осторожно положит его в кроватку, а мама задернет полог с голубым бантом, и мы с ней, отпустив няню, будем смирно сидеть, чуть перешептываясь, пока она не вернется.

Саша долго еще колобродил по ночам. Когда он настолько подрос, что не нужно было его укачивать, он все-таки спал беспокойно. В одном из писем ко мне того времени мать пишет, что Биба «по ночам вертится, встает на корточки вниз

головой и выдумывает вздор». Все это не мешало ему, однако, отлично высыпаться и быть очень здоровым и сильным ребенком. Но с раннего детства проявлял он нервность, которая выражалась в том, что он с трудом засыпал, легко возбуждался, вдруг делался раздражителен и капризен. Болезненных признаков пока не обнаруживалось. Нервность эта была очень понятна, так как Саша родился при тяжелых условиях и родители его, особенно мать, были очень нервные люди.

При всем своем здоровье Саша был что называется трудный ребенок. Возни с ним было ужасно много. Но все труды и хлопоты матери, няни и семьи сторицей вознаграждались той радостью, которую он доставлял окружающим: маленький Биба забавлял и смешил нас своими словечками и выдумками и восхищал умилительной детской прелестью.

Второй портрет Саши снят за границей в Триесте, когда ему было почти 4 года. Саша одет все еще девочкой. На нем белая матросская блуза из легкой материи с юбочкой в виде широкой оборки в складках. Все отделано красным кумачом с белыми тесемочками. Платье было куплено в Петербурге тетей Катей в изящном магазине детских вещей Мерсио. Этот фасон был принят на некоторое время, как переходная ступень к полному костюму мальчика. В то время, т. е. после 3 лет, уже никто не принимал Сашу за девочку, тем более, что и манеры, и игры его сразу изобличали мальчика. Но нежность цветов и говора осталась прежняя. За пе-

риод в 1½ года, протекший между двумя портретами, Саша заметно изменился во всех отношениях: он стал еще живее, подвижнее, голос его окреп, игры стали разнообразнее, мужественнее.

Когда Саше было около трех лет, мы переехали из ректорского дома на частную квартиру на Пантелеймоновской, близко от церкви. Она была в четвертом этаже, светлая и симпатичная, но оказалась сырой, и потому мы жили на ней всего одну зиму. У Саши с матерью была небольшая комната, тут же спала и новая няня. Тесноту этого помещения скрашивала большая зала, где Саша бегал, разумеется, сколько угодно. Очень близко был Летний сад, куда Сашу часто водили гулять.

Няня попала в тот год очень неудачная. Это была еще бодрая, сухонькая старушка, с большими претензиями и огромной долей пошлости, которую, очевидно, тогда уже чувствовал маленький Саша. Она вечно рассказывала про какого-то генерала Голощапова, который дарил ей пирожные, неизменно в один и тот же час говорила: «А вот и пономарь зазвонил», и донимала Сашу стишками вроде следующих:

Здравствуй, миленький портной.
Взял ли ножницы с собой?
Сшей ты мне жилетку
И кармашки по бокам,
Чтобы было куда класть мне орешки.

Саша не выносил ни стишков ее, ни разговоров. Ничего интересного для него и в его духе она рассказать не могла, а впоследствии оказалось, что она была пьяница и водила Сашу в гости к какому-то городовому, что мы узнали только после ее ухода, так как Саша, даже в раннем детстве, никогда на прислугу не жаловался. Разумеется, недостаток ума и талантов няни с лихвою возмещался всеми членами нашей семьи, начиная с Сашиной матери и кончая бабушкой. Еще летом в Шахматове мать сочинила для Саши сказочку про девочку Пеструшку, которая ему очень нравилась. Часто просил он мать рассказать ему «пли Плистлюску», как он тогда выражался (он долго еще картавил), а бабушка выдумала присказку про Глупишку в форме следующего диалога:

«Глупишка, Глупишка, где ты был?

Куда ходил в такую пору?»

Глупишка (басом, по-дурачки):

«На малиновую гору».

«А что ты там делал?»

«Грибы собирал».

«Да, ведь там темно»,

«Ни-ча-во».

Саша готов был без конца слушать про Глупишку и как только бабушка умолкала, со страстью требовал: «Баба, истё!»

Весной старой няне отказали и взяли опять временно уходившую няню Соню, с которой поехали сначала в Шахматово, а потом за границу – в Триест и Флоренцию. Няня Соня была единственная из нянь, которую Саша любил, другие не сумели его привязать. Она была не особенно ласковая, не отличалась ни большой живостью, ни изобретательностью, но, во-первых, хорошо действовала Саше на нервы своим тихим и ровным характером, а во-вторых – никогда не мешала ему, ничем его не раздражала и с большим тактом схватывала дух его игр. Кроме того, она толково читала вслух и у нее были известные литературные наклонности, что очень пригодилось, когда Саше было года 4. Он очень к ней привязался, называл ее «няня Сонься» и с нежностью говорил: «Нянечка, у тебя носик, как апельсинчик». Няня была рябая, а нос довольно большой. А когда хотел узнать, который час, говорил ей, намекая на ее крайнюю близорукость: «Нянечка, понюхай часы».

В лето перед отъездом за границу Саша много играл в лошадки. Он скакал на палочке, взнуздывая ее и изображая непокорного коня, а также привязывал длинные красные вожжи к разным вещам и ехал куда-то на тройке, погоня лошадей кучерскими словечками и возгласами. Это сделалось надолго его любимой игрой. Во весь длинный путь от Москвы до Триеста он запрягал своими вожжами наши дорожные мешки и покрикивал басом:

– «Но, но, забыла-а! Боишься-а!» – Всю дорогу он был

весел, хорошо спал и кушал. Путешествия всякого рода уже с детства его развлекали и всегда ему нравились. В этом отношении он был не в мать. Она, напротив, в вагоне всегда страдала от тошноты, почти не могла ни есть, ни спать и вообще прескверно себя чувствовала. Зато дедушка Бекетов чрезвычайно любил путешествовать.

В Триесте мы прожили осень и зиму. В хорошую погоду Саша гулял большую часть дня. Рано утром он часто ходил с бабушкой на базар, где она покупала кое-какие припасы. Наша еда была очень несложная и простая, так как денег у нас было в обрез. Но купанье стоило гроши, а это было очень важно. Купанье в море пошло наиболее впрок именно Саше, а езда в открытой конке на пляж была для него источником больших радостей. Он скоро свел дружбу с кондуктором и, сидя в конце конки, близко от кучера, громко восклицал при остановках: «Ferma!» (Стой). Это было одно из немногих итальянских слов, которые он знал в то время. В дурную погоду, когда дул несносный сирокко, он сидел дома и играл с няней Соней. Тут главным образом фигурировали чурочки, которые изображали между прочим кондуктора и его маму, приходивших друг к другу в гости. Няня Соня вела длинные диалоги между обоими действующими лицами и иногда путала, кто кого изображает, так как чурочки были совершенно одинаковые. За это ей доставалось от Саши. Он сердито махал ручкой и восклицал с расстроенным видом: «Ах, ты! Этакая! Ведь это же кондуктор, а ты говоришь –

кондуктора мама». Няня Соня кротко извинялась и быстро исправляла свою ошибку. Играли и в конку, причем няня Соня изображала пассажиров, а Саша кондуктора и контролера. Новых игрушек в Триесте не покупали, но зато во Флоренции был куплен пушистый белый заяц с морковкой во рту. С ним Саша не расставался и долго еще играл им в России. Перед отъездом из Флоренции он немного беспокоился, что кондуктор отнимет у него в вагоне зайца, и потому говорил нам: «Я скажу, что *questo e mio bambino*» (что это мой ребенок). Во Флоренции Саша гулял еще больше, чем в Триесте, благодаря отсутствию ветров и наступившей вскоре весенней погоде. Задняя, солнечная сторона нашего дома выходила в сад, но по нашим русским понятиям он был слишком утилитарен и скучен. Там росли только фруктовые деревья шпалерами. Ни простору, ни тени, ни лужаек не было. Саша мало проводил там времени. Ему нравился только бассейн с золотыми рыбками. Они с няней Соней много ходили по улицам или отправлялись в прекрасный сад Боболи, где были длинные тенистые аллеи и зеленые заросли с бассейнами и мраморными статуями.

Во Флоренции мать сшила Саше первый костюм с панталончиками из летней синей материи. С этих пор его одевали уже настоящим мальчиком. Тогда же купили ему соломенную шляпу с синей лентой и широкими полями, из-под которых виднелись его золотые, уже заметно выующиеся волосики. Южане восхищались видом этого нежного северного

мальчика, принимали его по большей части за англичанина. Во Флоренции у нас была прекрасно обставленная квартира, отличный стол и хорошая кухарка. Жизнь была гораздо интереснее и разнообразнее, чем в Триесте, но для Саши это было неважно. Ему одинаково хорошо было и в Триесте, и во Флоренции. Он здоровел и развивался, но вся поездка прошла для него, как сон, не оставив никаких следов в его воображении.

В начале мая мы, уже сильно соскучившись по России, уехали из Флоренции прямо в Шахматово. Можно себе представить, как ждали Сашу те, кто оставался в России...

Когда мы вернулись, для Саши и его матери было приготовлено новое помещение. Флигель понадобился для сестры Софьи Андреевны, у которой перед нашим отъездом родился первый ребенок. Саша с матерью поселились в большой комнате с итальянским окном, выходившим в сад, которую только что отстроили на месте старой кухни, примыкавшей к дому, а кухню перенесли на двор в расстоянии нескольких шагов от дома. Рядом со спальней Саши и его матери была небольшая комнатка няни Сони. Она занимала часть сеней, соединявших большой дом с пристройкой. В новой комнате стояла все та же детская кроватка, из которой Саша еще не вырос. Здесь помещалось больше вещей, чем в тесных комнатах флигеля. В углу, например, стоял старинного фасона угольный диван, крытый красным ситцем, который мы с сестрами еще с детства прозвали пиявкой – надо признать-

ся, не очень метко. В Шахматове зажили, по обыкновению, очень хорошо. Маленький Фероль, сын тети Софы¹¹, которому было около года, пока еще мало занимал Сашу. Лето прошло незаметно. В Петербург приехали прямо на новую квартиру, приготовленную и устроенную заранее тетей Катей, на которой лежали все хозяйственные заботы. На этот раз поселились на Ивановской, близ Загородного просп. Здесь у Саши с матерью была громадная комната, да и вся квартира была просторная, особенно зала, уставленная по всей стене, выходившей на улицу, красивыми группами тропических растений, доставшихся нам из университетской оранжереи. Несмотря на большое количество мягкой мебели и концертный рояль, в зале оставалось еще много свободного места так, что у Саши было обширное поле для беганья. В эту зиму и был с него снят портрет в кружевном воротнике и в костюме из зеленого бархата с атласной вставкой. Этот красивый наряд надевали на Сашу, разумеется, только в торжественных случаях, обычно же он ходил в синих матросских костюмчиках с короткими панталонами, в длинных темных чулках и черных туфлях с завязками. Так он одет на другом портрете, снятом с него в тот же сезон во весь рост (фотография Вестли). В то время его шелковистые тонкие волосы стали темнее, он был очень строен и его крепкие ножки не знали усталости. Ходить и бегать он мог без конца. Прав был дедушка, который говорил ему, если он жаловался на уста-

---

¹¹ Тетя Софа – наша сестра Софья Андреевна.

лость: «А ты побегай». Усталость могла быть только нервная, если ему приходилось скучать или стесняться.

В эти годы Саша был очень шумлив и стремителен. Его голос громко раздавался по комнатам, всякому занятию он предавался с самозабвением. Всю эту зиму он проиграл в конку. Саша был до того поглощен этой забавой, что когда переставал играть, т. е. звонить и двигаться, он почти все время водил пальчиком по всем линиям, которые попадались ему на столах, на книгах, на рисунках скатерти и т. д. Раз он дошел до того, что, взобравшись на колени к одному длинноносому гостю, стал водить пальцем по его носу. На Ивановской пришлось прожить всего одну зиму, квартира оказалась дедушке не по средствам. Наняли другую¹², немногим хуже прежней – тоже с большой детской, где спала и няня Соня: у нее был свой уголок за перегородкой. Именно в этой комнате была лошадь-качалка и зеленая лампадка, известные по стихам, посвященным Олениной д'Альгейм¹³, и по стихотворению «Сны» из 3-го тома:

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!
Луч лампадки, как в тумане... и т. д.

---

¹² На Б. Московской, против Свечного пер.

¹³ Стихи, посвященные Олениной д'Альгейм – «Темная, бледно-зеленая...» (I, 304).

В промежутках между игрой и гуляньем няня Соня читала Саше вслух в то время, как он рисовал или что-нибудь мастерил. Об этом я скажу ниже подробно, теперь же буду продолжать об его играх. Под влиянием чтения пушкинской «Полтавы» Саша выдумал новую игру. Изображался Полтавский бой. Это была бурная, воинственная игра, для которой Саша надевал картонные золотые латы с такой же каской, подаренные ему на елку. Он вихрем носился по комнатам. Пробежав через бабушкину спальню, врвался в залу, пролетал ее с громкими воплями, махая оружием, по дороге с кем-то сражался, в кого-то стрелял, целясь, например, в сидящую за работой бабушку, причем говорил: «Сидит мертвая, да и шьет». И несся обратно тем же порядком, придуывая все новые и новые эпизоды сражения. Во время этих битв я сидела обыкновенно за роялем, играя гаммы, за что и получила название шведского музыканта. Таким образом, мы с бабушкой, не принимая никакого участия в Сашиной игре, были вовлечены в нее силою его воображения.

В этом же году, ближе к весне, Саша выдержал опасную болезнь (плеврит с экссудатом). Это время было особенно тяжело еще и потому, что Саша заболел в отсутствие матери, которая лежала в больнице, где ей делали операцию. Саша скучал по матери, а от нее приходилось скрывать его болезнь, чтобы не помешать ее выздоровлению. Перед тем, как заболеть, Саша был очень грустен и, идя прощаться к бабуш-

ке перед сном, шел, опустив головку. Когда он стал ложиться спать, няня сказала ему: «Что ты, Сашенька, такой грустный? Не надо так. Вот посмотри, Фероль¹⁴ всегда веселенький». – А он отвечал: «Да, у Фероля мама здоровая, а у меня-то больная». Тут няня Соня стала его ласкать и прекратила свои наставления.

Лечил Сашу доктор Каррик и, по обыкновению, очень успешно. Скажу несколько слов об этом милом человеке, который два раза спас Сашу от жестокой опасности. Он происходил из шотландской семьи, основавшейся в Петербурге. Учился сначала в Peterschule, а потом в Эдинбургском университете. Был очень талантливый и решительный доктор, а также большой любитель детей, – красивый, здоровый человек, огромного роста, с громовым голосом и неистощимым запасом веселья. Он с большим юмором изображал разные сцены и рассказывал анекдоты, великолепно представлял, как хлопает пробка, или делал вид, что отчаянно стукнулся лбом об дверь, подражая только движению и звуку удара, и т. д. Он очень любил Сашу и, забавляя его самыми простыми средствами, заставлял смеяться и радоваться. Саша называл его «крошка доктор» и всегда рад был его приходу. Помню, как один раз, просидев у нас час или два в дружеских разговорах, Каррик собрался уходить перед самым обедом. Саша уговаривал его остаться. «А у нас будет пудинг», – сказал он, надеясь удержать доктора. Услышав это, Каррик заревел во

---

¹⁴ Двоюродный брат Саши.

все горло и, утирая глаза кулаками, пошел в переднюю, что, конечно, привело Сашу в немалый восторг. Во время болезни доктор был необыкновенно внимателен и ласков с ребенком и выходил его великолепно. Мать вернулась из больницы, когда Саша еще лежал в постели и был довольно слаб, но уже поправлялся.

Теперь как раз будет кстати сказать о первом Сашином чтении, но для этого мне придется вернуться немного назад. По более точным справкам оказывается, что Саша выучился читать не в 4 года, как сказано в моей биографии, а годам к пяти. Этому научила его в первый год по возвращении из-за границы наша бабушка, А. Н. Карелина, которая жила с нами и на Ивановской. В те часы, когда Саша оставался один в ее комнате, она по секрету от его матери, с которой была в великой дружбе, стала показывать ему буквы по рассыпной азбуке. Он очень скоро одолел грамоту, и прабабушка с торжеством показала его искусство Сашиной маме. Писать же он выучился сам совершенно незаметно, писал сначала печатными буквами, а потом и писаными.

Саше было лет пять или около того, когда ему начали читать вслух. По большей части это делала няня Соня. Сам он читал тогда мало. Вначале ему нравилось больше всего смешное и забавное. Быстро выучил он наизусть «Степку Растрепку», «Говорящих животных», «Зверки в поле и птички на воле» и разные присказки, загадки и стихи из

книжек так называемой Ступинской библиотеки¹⁵. Известная книга Буша «Макс и Мориц» не была в ходу у нас в доме. Лет в 6 появился у Саши вкус к героическому, к фантастике, а также к лирике. Ему читали много сказок – и русских, и иностранных. Больше всего ему нравился «Царь Салтан». Тогда же полюбил он «Замок Смальгольм», узнал он и «Сида» в переводе того же Жуковского. Наслушавшись этого чтения, он дал няне Соне прозвище в духе испанского романсеро: «Дон Няня благородный по прозванию Слепая».

Саша охотно, без всякого принуждения говорил наизусть отрывки из разных забавных стихов о зверках и птичках вроде истории про дерзкого воробья со следующим четверостишием:

---

¹⁵ *Ступинская библиотека* – серия детских книг, выпускавшаяся издательством А. Д. Ступина (Москва).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Университетский ботанический сад устроен моим отцом в конце шестидесятых годов на большом участке, который удалось ему отвоевать для университета от плаца Павловского училища. Сад окружен с 3-х сторон каменной стеной. Пройти в него можно с университетского двора, из дальнего его конца, примыкающего к бирже. Он разделен на две равные части. Посередине построен трехэтажный ботанический дом с аудиториями для студентов, кабинетами профессоров и квартирой садовника. К нему примыкает оранжерея. В левой части сада был разбит настоящий сад с разнообразными деревьями, дорожками, прудом и горкой, тут же были и прекрасные цветники. В другой части сада было ныне запущенное учебное поле, состоявшее из многочисленных квадратов, засаженных растениями всевозможных пород, по которым учились студенты. Отец мой состоял директором сада, причем не получал за это никакого жалованья, но в виде некоторой компенсации пользовался растениями из оранжерей и цветами из сада.